

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

ЗАНУДА

Пьеса в одном действии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

**ДЯДЬКА
МОНТЁР**

Однокомнатная квартира, пятый этаж, наши дни.

“... Убили, расстреляли, раздавили, мать сына ножом, отец жену топором, брат брата пистолетом, дочь родителей отравой, задушила мать ребёнка, утонули, повесились, прыгнули с десятого этажа, сгорели, отравились, взорвались, взорвали, столкнулись, убили, расстреляли, раздавили, взяли в заложники, мать сына ножом, отец жену топором, брат брата пистолетом, дочь родителей отравой, задушила мать ребёнка, утонули, повесились, прыгнули с десятого этажа, сгорели, отравились, взорвались, взорвали, столкнулись, взяли в заложники, взяли в заложники, взяли в заложники, взяли в заложники, взяли в заложники ...”

Весна. Март. Однокомнатная квартира на пятом этаже. На полу телевизор на попа стоит, включен, на экране лица - стреляют и убивают, диктор передаёт новости. Балконная дверь забита досками, и от того в квартире полумрак, в щели лезут лучи солнца. Само окно заложено до половины мешками с песком. В одном мешке уголок порвался и песок тоненькой струйкой сыпется на пол. В воздухе пыль летает и блестит на солнце. На стенке тикают большие с пластмассовыми розами китайские часы. Рядом в рамках раскрашенные фотографии.

Все стулья, стол, старинный шкаф, диван, тумбочка, подставка под телевизор, торшер - перевернуты и расставлены в специальном порядке, чтобы за мебелью можно было залечь, занять оборону и отстреливаться от тех, кто в дверь или с балкона врывается станет. В перевернутой мебели, в мешках торчат приклады ружей. А в углу возле засохшей пальмы даже небольшое артиллерийское орудие - пушка. Вместо люстры - толстая верёвка. Ещё несколько верёвок висят, привязанные за вбитые в потолок крюки: будто лианы - за верёвки можно цепляться и раскачиваться, как в фильмах про джунгли и Тарзана.

По квартире, не замечая разгрома, идёт с чемоданчиком в руке телефонный МОНТЁР - парень в кожаной куртке, кроссовках, в вязаной шапочке с надписью “Монтана”, в латаном-перелатаном джинсовом комбинезоне: на штанах между ног - большая кожаная заплата. У парня зубы, весь рот, из жёлтого металла, а пары зубов спереди не достаёт.

За парнем след в след, растопырив руки, боясь, что парень выскользнет вдруг в двери, идёт хозяин квартиры - ДЯДЬКА лет пятидесяти. У него в руках - лассо, под глазом синяк, лицо как у индейца краской разрисовано.

МОНТЁР. Сегодня-жесть: прощёное воскресенье. Я утром встал, говорю ей: прости, Люба. Ну, так положено. Прости, если что не так.

ДЯДЬКА. *(Прыгает по комнате.)* Марсианин, я ждал тебя давно, о, что я тебе сделаю, о, что я вам сделаю!!!

МОНТЁР. *(Не слушая.)* А она: варезку раскрыла и орать, громче короеда. Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот тебе так маракеш, тпручки! Говорит мне: “Скажи много раз: банка, банка, банка.” Я сказал. А она мне: “Вот ты то самое слово, которое ты сейчас сказал! Иди, говорит, теперь на работу!”

ДЯДЬКА. Что?

МОНТЁР. Ну вот, скажите пять раз: “Банка, банка, банка!”, ну?

ДЯДЬКА. *(Молчит.)* Банка, банка, банка, банка, банка. *(Молчит.)* Ну?

МОНТЁР. Ну, что вышло?

ДЯДЬКА. *(Молчит.)* Кабан, что ли?

МОНТЁР. Вот именно. Идите теперь на работу. Кабан меня она зовёт. Ка-бан! А за что? Ненавидит. Мужа. А прощёное воскресенье, простить друг другу всё надо. Вот я вас не знаю, так, да? А я вот, это, как евон, у вас прошу прощения. Простите, если можете.

ДЯДЬКА. *(Молчит.)* Чего?

МОНТЁР. Я говорю: простите меня. *(Поставил чемоданчик на пол, встал на колени.)*

ДЯДЬКА. *(Кричит, закрыв лицо руками.)* Не вставать! Не уговаривать! Марсиане, я что пообещал, сделаю!!!

МОНТЁР. *(Молчит.)* Я за инструментом встал. Я не знаю вас, что перед вами, это, как евон, на колени. Я вам не сделал ничего, и вы мне. Но такой порядок. Я словесно: простите. Говорю: простите меня.

ДЯДЬКА. *(Молчит.)* За что?

МОНТЁР. Да просто так. Вдруг есть за что. Прощёное воскресенье.

ДЯДЬКА. *(Смотрит на Монтёра.)* А?

МОНТЁР. Я говорю: простите меня. Про-сти-те.

ДЯДЬКА. Прощаю. *(Молчит. Кричит.)* Тихо! Не путать! Не отвлекать! Пощады не будет! Надо свалить, связать, а вы болтаете и болтаетесь по квартире!

МОНТЁР. *(Улыбается.)* Зачем-жеть меня связывать?

ДЯДЬКА. Зачем пришли? Зачем вы пришли?! Вы конкретно, я вас спрашиваю, отвечать, марсианин, лунный житель, ну?!

МОНТЁР. *(Копается в чемоданчике.)* Я пришёл по вашему вызову. Я не марсианин. Я - монтёр.

ДЯДЬКА. Вот и монтируйте! А прощения просить - нечего тут!

Прыгает по квартире, размахивает верёвкой. Парень в чемодане копается.

МОНТЁР. Ну вот, не поняли. И никто. Все смеются. А я-жеть по-людскому хотел, как положено, это, как евон, по-русскому, что характерно, обычаю.

ДЯДЬКА. Я покажу! Вас не было, но вы вылезли, откуда вы вылезли, тараканы, саранча, где ваше святое, есть оно у вас или нет?! Сейчас начнём!

МОНТЁР. *(Ковыряет отвёрткой телефонную розетку.)* Начнём. Значит, дополнительная ризетка? Ну-ну. Сегодня во сне - с мукой будто иду по городу. Это - к муке какой-то. А и так: мука, мука сплошная. Куда вам ризетку перенести-то? Я во сне - то на войне, то в тюрьме. Всё боюсь, а вдруг? Хотя я бы, это, как евон, от такой жизни - умер или бы в тюрьму сбежал лучше. Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот тебе так маракеш, тпручки! А вы что это делаете?

ДЯДЬКА. *(Выключил трясущейся рукой звук телевизора, кричит.)* Придут ироды и будут в ваших храмах коней! Их бензином всех надо, облить и поджечь!!! Я тренируюсь! Я смогу нападение отбить! Отбиться! Ясно?!

МОНТЁР. Не-ка. Ну, тренируйтесь, а я - делать. *(Достает из кармана куртки пилку для ногтей, пилит ноготь.)* Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот тебе так маракеш, тпручки! Вот, ноготь сломал. Беда. А сегодня всё, это, как евон, кувыркком. Посмотрел: один носок навыворот. От того кувыркком всё сегодня. Весна ещё. Спать хочу. Маму жалко. Сон приснился недавно такого плана: я умер, а мама мне плачет и говорит мне: “Что ж ты, сыночек, зачем ты сделал это, зачем умер?” А я: “Устал мама, сильно спать хотел, вот и решил заснуть ...” А проснулся, и чего-то мне так жалко себя стало, ну, в таком плане - пожалел себя, и маму тоже, да и короёда с женой - тоже. Я-жеть, если спиногрыз не орёт, падаю как колосок подрубленный. И в каморке на работе сплю, каморка - “Кикиморка” мы её зовём, грязно, бардак, как Мамай прошёл, а я сплю. Напарник костерит, говорит это, как евон, мне: “Лишь бы клопа давить!” Вот жена у меня - курит. А я не перевариваю органически курящих женщин, с детства.

ДЯДЬКА. Не блондай по квартире! *(Помолчал. Кричит.)* Разговорился! Стоять!

Скачет по комнате, хватается за верёвки, качается на них. Парень затылок чешет.

МОНТЁР. А?

ДЯДЬКА. Ложись! Встать! Лечь, то есть!

МОНТЁР. *(Ковыряет отвёрткой в розетке, смеётся.)* “Упал-отжался!”, - в армии говорили. Я сразу понял, что у вас не все дома. Ну, ничего, бывает. Смотрю вокруг: люди даже живут и с задницей вместо головы, а ничего, никто на них не обращает. Главное, у всех, это, как евон, квартиры есть. А я ... *(Махнул рукой.)* Я по квартирам везде хожу, везде пенсионеры - не все дома.

ДЯДЬКА. Молчать! Сам ты, существо, это слово! Ты существо, понимаешь?! Ты не человек! Пенсионера нашёл?! Вы меня стариком сделали, вы!

МОНТЁР. Ну уж, прям уж.

ДЯДЬКА. Э, руки, руки, кому сказал - руки, наездник?!

МОНТЁР. Это про штаны? *(Смеётся.)* Эту приклейку жена мне пришила, сказала - на работу и в таких штанах ходишь, не барин! Отмодничал, старость пошла, хоть и двадцать восемь, а как старый стал. Новые купить - купилки тю-тю! А она - курит, на кухне готовит и с товарками по общаге меня по за-глаза обсуждает и курит. А я курящих женщин органически, с детства ... Я так всё время смеюсь, чтоб не плакать. Нет, не над тем, что у вас дома не все, мне-то? А просто.

ДЯДЬКА. У меня все, все, все, все, все, все, сам дурак! *(Стучит ногой в пол.)*

МОНТЁР. *(Не слушает, ковыряет в розетке.)* Значит, дополнительная ризетка ... Ну-ну. *(Достает из чемоданчика ещё инструмент, наматывает на руку провод.)* И обзывается: кабан, и такое. Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот тебе так маракеш, тпручки! Ни-ни раньше, такого не позволяла, когда я марьяжил с ней. Другой раз думаю, а может - нафик, нафик этот график, а? Ну, если она курит? А?

ДЯДЬКА. Что?

МОНТЁР. Развестись, а? Ведь не жизнь у нас с ней, а закат солнца вручную. А?

ДЯДЬКА. *(Кричит.)* Начи-начи-начи-наем!!!

МОНТЁР. В воскресенье по заявкам. Из дому ушелся, не могу. А вы со вчерашнего ждёте? Я медленно, куда торопиться. По выходным иду по заявкам, чтоб только не дома, да чтоб ей деньги вдосталь заработать.

ДЯДЬКА. Начали!!!!

Ухватился за одну из верёвок, прокатился по комнате, прыгнул с верёвки в другом углу квартиры, притаился за столом, выглянул, идёт на парня с растопыренными руками.

МОНТЁР. *(Улыбается, смотрит на Дядьку.)* Да чего начнём-то? Вы чего всё начать не можете? Вы индеец по национальности? Негр? Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот тебе так маракеш, тпручки. А чего не сделаете приборку? Темновастенько, свет бы?

ДЯДЬКА. Темновастенько! Я покажу тебе темновастенько! Я вышел на тропу войны! Маракеш-тпручки, говоришь, да? Нет! Мерды-перды! Карембеш-карендеш! Румбак-бумкак! Кайса-мойса, понял?! Кимрез-мандарез! Стоп-мин-поп! Чимза-кимза! Пара-цупа, минкуль-пуца, понял?! Приготовились - и-и!!! *(Размахивает лассо.)*

МОНТЁР. Вот вы кричите и слюни - на меня. Я-жесть не глухой. Ну, что?

ДЯДЬКА. То! Вы меня не слышите-жесть, не слушаете-жесть!

МОНТЁР. Слышу. Слушаю.

ДЯДЬКА. Что я последнее сказал?

МОНТЁР. Последнее вы сказали - приготовились. Вы уже раз сто сказали: “Приготовились.” Я готов. Я-жесть не филоню, работаю помалёху. У вас квартира, как окопы. А запах кислый, хороший. У бабушки в доме так бельё пахло, чуть с кислинкой

такой. *(Смеётся.)* Вот эта хорошая у вас эта верёвка. Сделана из материала такого, пенька называется. Слушайте, я что хочу сказать: а зачем вам ещё одна, дополнительная ризетка? Может, я просто шнур подлиньше сделаю, а? У вас квартира не пятикомнатная, а такая, это, как евон, средненькая, не хоромы, не вокзал, не замок, а?

ДЯДЬКА. Не вокзал! Ничего, вы у меня заплатите, вы у меня вспомните маму родную, вы всё вспомните, довели меня! Раз соглашаются выпустить каких-то гадов из тюрьмы от того, что другие гады взяли в самолёте заложников, то тут-то они согласятся! Подумают: чеканутый, что-то устроил, вдруг постреляет всех, и обратят внимание, и сделают, как прошу! *(Подпрыгивает на месте.)* Встаньте прямо, неудобно!

МОНТЁР. *(Смеётся.)* Чего неудобно?

ДЯДЬКА. Мне неудобно! Встаньте ровнее!

Монтёр инструмент раскладывает, что-то пальцами по полу меряет.

МОНТЁР. Ничего, выздоровлеете, таблеток попринимайте, и хоккей будет. И раз, и два, и три ... У меня в пальцах - пятнадцать сантиметров. Точно. Абсолютант. Можно не проверять. А она мне: нет, ты вот ноешь, ноешь, ноешь с утра до ночи. А я не ною. Я, что характерно, так разговариваю. Ну вот, теперь - начнём?

ДЯДЬКА. Что начнём?!

МОНТЁР. Как - что начнём?

ДЯДЬКА. Что вы начать хотите?

МОНТЁР. Я не знаю, что вы хотите.

ДЯДЬКА. А?

МОНТЁР. А?

ДЯДЬКА. *(Кричит.)* А-а-а-а! Мозги запудрил, говорит без передыху, что, ну? Что?! Прощения просить друг у друга?

МОНТЁР. Как - что? Начнём ризетку или провод подлиньше? Прощения-то я у вас попросил, вы меня послали, не хотите, ну, раз не в себе ... Ризетку?

ДЯДЬКА. Ризетку, ризетку, ризетку!!!!

МОНТЁР. Ну, как хотите, а я думал - провод подлиньше.

ДЯДЬКА. Хорошо: провод подлиньше, делайте уже хоть что-то! Вы вообще хоть что-то можете, или у вас руки не тем концом вставлены?! Ну?!

МОНТЁР. *(Смотрит на Дядьку.)* А может, и ризетку, и провод подлиньше?

ДЯДЬКА. И прямо стоять!

МОНТЁР. А я стою прямо. Эта у меня тужурка кожаная, новая. У жены на зиму заплакал красновки и тужурку. Чтоб поприличнее на улице выглядеть. Еле купила. А как зимой без тужурки, а? Хожу как чмо в отрепьях. Не одежда, а жопотёрки. Штаны - ладно, драные, но тужурка должна быть, я же по людям хожу. А вы знаете тогда, сколько это будет стоить? Один метр провода от ризетки к ризетке знаете, сколько стоит? Он ведь двухжильный.

ДЯДЬКА. А-а-а-а-а! Кто двухжильный?

МОНТЁР. Провод. Бывает трёхжильные, четырехжильные, пятижильные, ну там семижильные. Я видел раз это, как евон, двенадцатжильный. Знаете, сколько?

ДЯДЬКА. Что - сколько?

МОНТЁР. Стоит - сколько, знаете? Это я вам сейчас расскажу ... *(Достал блокнот, ручку из кармана, принялся что-то писать.)*

ДЯДЬКА. *(Кричит.)* Молчать, зануда!

МОНТЁР. Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот тебе так маракеш, тпручки! Ну вот, и вы тоже. Я-жесть хотел, чтоб всё по уму, что характерно, а вы обскорбляться. Так же, как все, да? Эх, вы! А я прощения просил. Все так говорят, а я, это, как евон, нормальный. Не саранча, не марсиане, не клопы там. А жена тоже как все говорит: ребёнок такой горлопан - в тебя, это, как евон, говорит. А я ей: неужели я так кричу? Ну, короче, с утра до ночи, кричу и кричу? Я же просто объясняюсь долго, говорю долго, но я работаю зато и потому ...

ДЯДЬКА. Хватит! Начнём!!!!

МОНТЁР. Нет, не начнём. Надо-жесть сначала всё расчухать, выяснить ...

ДЯДЬКА. Не хочешь ровно стоять?! Ну, не трусь теперь, надень трусы! Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал! Я вас ...

Вдруг схватил мешок с песком, размахнулся им, и как ударил парня мешком. Парень ойкнул, завалился набок. Дядька тут же накинул лассо на него, принялся верёвкой связывать. Монтёр лежит, перепугано таращит глаза в потолок.

МОНТЁР. Ё-ка-лэ-мэ-нэ, вот тебе так маракеш, тпручки, родимчик хватит, ход конём по голове. Мыла покушали? Ну ты даёшь стране угля! Эй, порвёшь! Я-жесть монтёр, не грабитель-жесть. Тужурка новая, а вы мешочечком по головочке, эй!

ДЯДЬКА. *(Прыгает вокруг парня.)* “Мешочечком по головочке”! Юморишь, смеёшься? Ну, посмеюсь я тебе! Понародились, новенькие, смена! Откуда вы понаехали, откуда понабежали, орда золотая, татаро-монгольское иго, паразиты?!

МОНТЁР. Масть пошла, а деньги кончились. Зачем я надел носок шиворот-навыворот сегодня, а? Фик-фок с боку бантик. А зачем вы, дяденька? Я-жесть сказал, что на лошадаках не это, а вы сразу за верёвку ...

ДЯДЬКА. Молчать!

ПАРЕНЬ. Не расчухаю? Я-жесть пришёл на ваш вызов, на ваш зов, на вечный зов, кино есть такое, вы сказали, что ризетку, я пришёл, а вы мешочечком ... Вы таблеточек, на кого серчаете, я не тараканы! Вы, дяденька, со мной в войнушку хотите поиграть, имеется в виду, хотите, да? А может, всё-таки я вам провод подлиньше сделаю и пойду, а?

ДЯДЬКА. *(Грозит кулаком в окно.)* Имеется в виду, да! В войнушку, ага! Сейчас будет войнушка, будет тебе и вам всем войнушка, и им тоже войнушка! О, вы меня не знаете! Вы думаете - со мной просто?!

Связал парню руки, взъерепенился, бегают, проталкивает ружья в дырки между мешками, туда-сюда ходит, прячется за мебель, за парнем наблюдает. Парень в потолок пялится.

МОНТЁР. Дяденька, я пришёл ризетку, я не в войнушку, я ризетку ...

ДЯДЬКА. Розетку! Ро-зет-ку!!!! Ясно?! Дебил, кретин, идиот, недоделок! Тужурка-красновки! Что у вас у всех в голове?! Датчики? Проводки? Вы люди, нет?! О, вы не люди! Вы деревяшки с железом пополам перемолотые, вот вы кто, ясно?! Кричи, ори, бейся, ну?

МОНТЁР. Зачем это?

ДЯДЬКА. Думай, думай голова, жопа трещину дала! А затем это! Взял в заложники! И теперь сделаю своё дело, о, как я сделаю с вами что-то!

МОНТЁР. Кто? В кого? Что?

ДЯДЬКА. В того, тужурка кожаная! Телевизор смотреть надо!

МОНТЁР. Жена не даёт!

ДЯДЬКА. Скажи, чтоб жена тебе давала! Чтоб она давала тебе, твоя жена! А то она не даёт тебе, ты, господин дерево! Заложники смотрели телевизор и знают - что! Жена притащит твоего больного дебильного, как и ты, ребёнка сюда, под окна, под балкон и тогда ...

МОНТЁР. А он не больной, а характерный, занудистый, чтоб сильнее на всех воздействовать, чтоб на него внимание обращали. Не болеет, а уросливый.

ДЯДЬКА. *(Бегаёт по комнате, бормочет.)* О, погодите, постойте! Хорошо, что молодой, был бы старый, сказали бы - да на мыло их обоих, а тут - хорошо, повезло! Мне повезло, что ты, идиот, мне попался с ребёнком и что молодой!

МОНТЁР. Ребёнок? Молодой! Полгода! А я уже - сил нет, это, как евон, с ним.

ДЯДЬКА. Ты слышишь или нет? Я говорю: заложники! За-лож-ни-ки!

МОНТЁР. *(Быстро.)* Меня все в общаге называют зануда. И говорят, я на “о” разговариваю, по-деревенски, ну, поселковый, да, поселковый раз, раз такой уродился, ну что ж? Я всё делаю долго, старательно. Не могу бегом-бегом. И если я говорю, то говорю, пока не наговорюсь. Таблеточку с водичкой!

Дядька бегают, ружья в мешках трогает, парень крутится на месте, следит за ним.

В армии смеялись надсмешники, зануда, мол. Да сами вы это слово. Дяденька, надо вам таблеточек выпинькать, выпить, это, как евон, в смысле, а? Я понял, заложники, да. Вы не серчайте шибко!

ДЯДЬКА. *(Орёт что есть силы.)* Я не серчаю так шибко!!! А вот пристрелю тебя, гад, понял?! *(Приставил ружьё к груди парня. Парень ойкнул.)* Послушайте, дорогой, уважаемый кретинёнок, не доводите до греха! Вы всё время не по поводу базарите! Вы такие слова понимаете? Это же по вашему, нет? Ещё слово, гад, и - стреляю!

МОНТЁР. А? А? А? А? А? А? А? А? Ружьё? А зачем это? Я разве - нет? А? А? А?

ДЯДЬКА. Пока - нет! Кричать! Я буду отстреливаться, будет много шума, дети и женщины на верхних этажах начнут визжать, придет пожарная, скорая, телевидение, придет много, будут выдвигать лестницы до пятого этажа, снимать с балконов, будет много шума, мне надо!

МОНТЁР. А? Отстреливаться? А? Войнушка? А? А может - таблеточек с водичкой? А? А? А? *(Дядька замахнулся на парня.)* Можно начинать? Уже? Да? Начали? Нет?

ДЯДЬКА. Уже можно, да, уже, можно начинать, да, да, да!!!!

Парень промякал тоненько что-то.

Не хочешь? Велосипед!

Стащил с ног парня ботинки, носки, вставляет спички ему между пальцами ног. Парень заорал, завыл.

МОНТЁР. А-а-а!!! Лисапет, лисапет, какой лисапет, не надо лисапет, у меня есть лисапет, не надо лисапет! Дядя, попей таблеточек, дядя, ты чего, дяденька, да что же, мы-жеть не в армии-жеть, дядя-жеть, мне это как мёртвому ужастик, у меня от страху заворот кишок будет, я щекотки боюсь, не надо!!!

ДЯДЬКА. Я покажу заворот кишок! Спички между пальцами и поджигать! Ужастик! Щекотки! *(Парень вопит. Дядька толкает шкаф к балкону, бормочет.)* Ори, ори! Привезут из общаги жену с ребёнком, ребёнок - плакать, ручки-ножки к папе, он - кричать драматично, как в мыльной опере, я к уху пистолет, чтоб не взбрыкнул бы он бы бы!

МОНТЁР. Не взбрыкнул бы он бы бы, ясно, бы-бы, носок, зачем я носок навыворот, мамочки, зачем я носок, носок, носок, носок!!!! ...

Дядька стучит в пол ногами, кулаки поднял над головой.

ДЯДЬКА. Да, да, я вижу, все плачут, ребёнок плачет, кричит: “Папа, папа!” ...

МОНТЁР. Он у меня ещё разговаривать не умеет, мама, мама!

ДЯДЬКА. Молчать! Он плачет, тянет ручошки свои сопливые, и “Скорая” плачет, и милиция плачет, и телевидение, пожарка плачет, и радио плачет ...

МОНТЁР. А курочка куд-кудачет?

ДЯДЬКА. А?

МОНТЁР. Вы как сказку рассказываете ...

ДЯДЬКА. Молчать! Я говорю: все плачут, люди плачут, соседи плачут, и все плачут, и я плачу ... плачу ... и тогда они ... и тогда ... *(Сел у окна на пол, плачет.)*

МОЛЧАНИЕ.

МОНТЁР. А? *(Подёргал связанными руками.)* Пустите, мне ризетку!

ДЯДЬКА. Тихо, ризетка! *(Вытирает слёзы.)* Вы - заложник! Сейчас я буду звонить и говорить, и требовать, чтоб - прекратить, понял?!

МОНТЁР. Что прекратить?

ДЯДЬКА. То прекратить!

МОНТЁР. Да что же?

МОЛЧАНИЕ.

ДЯДЬКА. *(Плачет, молчит.)* Откуда вы, откуда вы, откуда вы все?! Кто вас рожал? Есть у вас мамы с папами, нет? Нету! Не было! В капусте нашли! Иваны, родства непомнящие! С Марса упали, с Луны! Нету! Клопы, тараканы, иго! Им всё весело, им всё песни, им всё танцы! Убили, зарезали, раздавили, растоптали, расстреляли - а им всё песни, а им всё танцы, а им всё весело, хи-хи да ха-ха, ха-ца-ца, танцуем без конца, уроды!!!

МОНТЁР. Да в чём дело-то, ну?!

МОЛЧАНИЕ.

ДЯДЬКА. *(Рыдает.)* Они сошли с ума! Они все, все, все сошли с ума! Весь мир, все люди, человечество, цивилизация, все, все, все!!!

МОНТЁР. А?

ДЯДЬКА. Ай, да что говорить с дураком, если не видишь - не объяснить!

МОНТЁР. Я же и дурак.

ДЯДЬКА. *(Вытирает слёзы.)* Мир - где ты, ау?! В прострации! Нету! Все сошли с ума, окончательно и бесповоротно! Вы понимаете, что это - катастрофа, мрак, ад?! Понимаете?! Сошёл с ума!

МОНТЁР. Вижу. Гляжу и вижу. Ну да, сошёл с ума.

ДЯДЬКА. Что-то надо делать, что-то просто необходимо делать, как-то протестовать! Я протестовал, я стоял две недели - с плакатом! Бесполезно! Не слушают! С утра приехал бульдозер и начал! За что?! Они должны прекратить!

МОНТЁР. Да что, дядя?

ДЯДЬКА. Всё! Всё! Всё это! Всё! Все войны! Издевательства над людьми! Отравлять атмосферу! Унижения стариков! Денежную инфляцию! Убийства животных!

МОНТЁР. Животных тоже? А как кушинькать? Без мяса? Только фруктами?

МОЛЧАНИЕ.

ДЯДЬКА. Вы идиот, понимаете? Иди-оти-на ту-па-я! У вас нет мозгов! Это бы куда ни шло, но страшнее - у вас нет сердца! Откуда вы понаехали, понапришли, откуда?! Молчать, “ризетка”! Лежать и не шевелиться!

МОНТЁР. Вы-жесть сказали - кричать ...

ДЯДЬКА. Пока я не сказал: “Кричать!”, надо - молчать! Так вот, они должны всё это прекратить! Понятно, нет?!

МОЛЧАНИЕ.

МОНТЁР. Что-жесть?

ДЯДЬКА. Всё! Всё! Всё! Наберу “ноль один”, они приедут с выдвигающимися лестницами, выдвинут лестницу вперёд, до балкона и будут переговоры, вот, телевизор, прямая трансляция, увидим себя, да, и начальники района, города, области, нет, замминистра, министр, президент, приедут, выкинут флаг белый и придут, и сдадутся! То есть, сдадутся на мои условия!

МОЛЧАНИЕ.

МОНТЁР. Из-за меня?

ДЯДЬКА. Да, из-за вас. Из-за вас, да, да, да! Да!

МОЛЧАНИЕ.

МОНТЁР. *(Помолчал.)* Нет. Не сделают, это, как евон, этого.

ДЯДЬКА. Держать фонтан, марсианин, таракан! На каждое слово у вас десять! Без вас знаю, что не сделают, но что-то ведь надо делать, нет? Надо?!

МОНТЁР. Дак всегда воевали, убивали, это-жесть заведено так промеж людьми ...

ДЯДЬКА. Заведено? Ну, так пора развести! Я, конечно, чёкнулся, но не до того, чтоб из-за войны в Уганде или где там - в Зимбабве, что ли, заложника брать, нет! Мне неприятно, что там война, но в общем-то - всё равно, простите, меня не касается, и ладно! Но я прошу маленького, малюсенького прошу: спокойствия под окнами! Ну, посмотрите в окно, они напротив нашей хрущёвки строить начали, на площадке на детской, снесли театр зелёный, скамейки, клумбы, парк имени пионера-героя Морозова Павла, ему памятник! И памятник разбомбили! Посмотрите же в окно!

МОНТЁР. Дак пионеров-жесть отменили?

ДЯДЬКА. Кто отменял? Вы? Я не отменял! Я был пионер и останусь! Смешно? Смейтесь, вам всё смешно, вы всё обсмеяли!

МОНТЁР. Я не в курсе вопроса, не могу посмотреть в окно, у меня руки связаны.

ДЯДЬКА. Да я вас подниму, покажу, посмотрите, посмотрите!

МОНТЁР. А у вас окна мешками забиты ...

ДЯДЬКА. Поверьте на слово, что тут, у меня у дома, были деревья, была такая площадка, эстрада крохотная, там выступали агитбригады, детские театральные коллективы! Нет, всё это помешало, решили всё сбить, разбить! Надо строить овощегноилище, потому как рядом - рынок и требуется! Да сдохли бы вы со своим рынком!

МОНТЁР. Я?

ДЯДЬКА. И вы тоже! Я беру заложника, а они должны прекратить! Я сам сажал эти деревья, вот, у меня фотографии: мы садим деревья, посмотрите, они были черно-белые, а я занимался в детстве цветной фотографией, это было очень сложно в те годы, с химикатами, посмотрите, вот, фотографии, я сам раскрасил их, они цветные, видите, тут всё цветное, понимаете? *(Плачет, трясёт перед носом парня фотографией.)* Я был пионером, сажал их, выступал с агитбригадой “Мастерок” на сцене зелёного театра! Мама и папа сидели в зале, смотрели на меня! А они решили зачеркнуть моё?! Да, с ума сошёл, старый козёл! Но! Что мы сажаем, сажая леса, лес и бумагу, и стол, и дрова - или как там это, забыл, понимаете?! Но я убью вас, я вас убью, я вас всех убью, раздавлю, растопчу, о!!! Пока не лезли в мой маленький мирок, я разрешал им, пусть, да, но как только они полезли валенками в моё, о, они не знают меня! - я беспощаден, я разъярён, как маленький зверёк, хорёк, когда его разозлят, это я, да, я вонючий хорёк, но не допущу, не разрешу, не сметь, не сметь!!! *(Плачет.)*

МОНТЁР. Ага. *(Дёргает ногами, руками.)*

ДЯДЬКА. Ага! Чего агакаете?! Такое же дурило: тужурка-мужурка, квартира-робёнок! Новое поколение! *(Ходит по комнате, машет руками.)* Овощехранилище! На месте маленького фонтанчика крыс разведут! А был парк, парк, парк! Была жизнь! Для вас всё - с начала, ровное поле, нет ничего, давить всех! Но до вас ещё жил кто-то, кому не надо мешать, понимаете? Пусть он доживёт спокойно, а потом идите! Всё было другое, тихое, спокойное, но вдруг они - ездят, кричат, орут, продают, торгуют, строят, наглеют, откуда вы? Ведь всё было не так, откуда все эти люди, они с Луны прилетели, с Марса, откуда они, их не было всех этих, откуда, дайте мне автомат, я пойду, я их всех перестреляю!!!!

МОНТЁР. Да не надо никого, не плачьте ...

ДЯДЬКА. Молчать! Сейчас, сейчас приедет тэвэ, ментовки, воронки, я буду отстреливаться от них, прикрываясь вашим телом!

МОНТЁР. А моим-то зачем? Не надо отстреливаться! Вы звоните, это, как евон, правда, посерьёзнее им скажите - так мол и так мол, пусть приезжают, а то руки занемели, а вы нервный, стрелянёте, а я чего-то помирать расхотел ...

ДЯДЬКА. *(Плачет.)* Я ходил, дрался с ними, с теми, которые строят! Они мне под глаз дали! Фингал вот! На работу не могу с ним идти! Я во дворце пионеров, ах, простите - школьников! - руководитель кружка друзей любителей природы ...

МОНТЁР. Это вы вышивкой там, короче - вязанием и таким, это, как евон, да?

ДЯДЬКА. Молчать, вязанием! Сам ты вязанием! Гербарии собираем!

МОНТЁР. Вы звоните, звоните!

ДЯДЬКА. Молчать! Диктует! Мне решать! *(Бормочет.)* Пусть думают - я дурак, да, я дурак, я невсёдома, пусть, вам не нравится, мне - плевать! *(Молчит.)* Видите? Я рассказал что-то важное, личное, я - рыдаю, а у вас глаза не завлажнели! И после этого вы будете говорить, что вы не с Луны, что вы - люди?!

МОНТЁР. *(Молчит.)* А чего мои глаза должны, это, как евон, влажнеть?

ДЯДЬКА. Хватит! Раз не понимаете - не поймёте никогда! *(Выдохнул. Набирает номер телефона.)* Кричите! Ну?! *(Парень орёт на одной ноте.)* Милиция? Дайте мне главного начальника вашего! Главного милиционера! *(Прикрыл трубку ладонью, парню.)* Да тихо! *(В трубку.)* Вы? Неправда. Начальники не сидят на телефоне. Ну и что, демократия, вы все в народ пошли, но не до такой же степени вы разошлись, нет? Я говорю - вы не начальник! А другой! Хорошо. Вы записываете всё на плёнку? Записывайте! Итак, я, Ленина двенадцать квартира восемнадцать. Фамилия моя - не скажу как. Итак, я, Ленина двенадцать квартира восемнадцать, взял в заложники телефонного монтера! Зачем я взял -

объясняю. Я взял затем, чтобы вы там всё взяли бы и прекратили бы, то, что я требую сделать! Если не прекратите, я монтера вот этого вашего ... *(Достал бумажку, надел очки, читает:)* Хлопну, кокну, нарежу, пристрелю, убью, кончу, уколошу, шлёпну, в расход пушу, порешу, расстреляю, пришибу, пришью, ухлопаю, тюкну, чикну, уложу, прикончу, пристукну, угроблю, укаю, запендерю ему прямо в сердце! Ясно?! *(Положил трубку, молчит.)* Сказал: опохмелись с монтером. Я в “ноль один”.

МОНТЁР. *(Кашлянул.)* Телефон полиции - “Сто-девять”.

ДЯДЬКА. А?

МОНТЁР. Кино такое: “Телефон полиции - “Сто девять”. Или “Сто десять”.

ДЯДЬКА. А?

МОНТЁР. Я говорю, может, “сто девять” набрать, тогда поможет?

ДЯДЬКА. *(Набрал номер, послушал, положил трубку.)* Женский голос говорит: “Неправильно набран номер”. Почему надо “сто девять”-то звонить?

МОНТЁР. А в Америке, вроде, полицию, это, как евон, так вызывают.

ДЯДЬКА. *(Молчит.)* А мы в Америке?

МОНТЁР. Нет.

ДЯДЬКА. Вы мне в Америку предлагаете позвонить?

МОНТЁР. Я, это, как евон, не в курсе вопроса, просто так сказал, чтобы помочь вам, в таком плане.

ДЯДЬКА. “Я, это, как евон, в курсе вопроса”! Хватит огурцы во рту мусолить!

МОНТЁР. А я лежу вот. Кричать буду. Вы откуда таких слов нахватались?

ДЯДЬКА. Из словаря русского мата! Я не дурак! Я добьюсь! Молчать!

МОНТЁР. Молчать или кричать? Я не могу орать. У меня от ора от короедова уже в ушах стон стоит. Орёт, а спать надо, а утром телефоны ремонтировать, ризетки устанавливать. А голова трещит, провода подлиньше делаешь, а силы нету.

ДЯДЬКА. Молчать! Алло? Ноль один? Да, пожар. Я, Ленина двенадцать квартира восемнадцать взял в заложники! Нет, не горит, но тут напротив пилят! Для костра, да! Не горит, но скоро загорит! Я в заложники! Как, не туда попал? Какая опохмелка?! *(Молчит, положил трубку, ходит по комнате.)* Плохо слышно. У меня в трубке уголёк слежался. *(Набирает номер.)* Ноль три? Я взял в заложники, отца семейства, у него ребёнок, маленький, ребёнок сиротой останется! Я, Ленина двенадцать квартира восемнадцать, взял, да, чтобы вы выполнили! Если не приедете, я убью заложника моего! У заложника? Температура? Нормальная! Тогда и позвонить? Тогда и приедете? Я не шучу! Кто боевиков насмотрелся? *(Кинул трубку.)* Что они все сегодня пристали с этой опохмелкой!

МОНТЁР. Психбригаду хотели прислать?

ДЯДЬКА. Молчать! *(Набирает номер.)* Алло?! Я, Ленина двенадцать квартира восемнадцать взял в заложники монтера телефонных сетей! А если нет - начинаю стрелять! Считаю до трёх и начинаю стрелять! *(Поднял пистолет в воздух, в трубку.)* Сам опохмеляйся, алкаш!

Выстрел. Вся квартира заполнилась дымом. Пауза. Дядька сидит на полу, плачет.

МОНТЁР. *(Шёпотом.)* Называется: “Садись пять, завтра мамку приведёшь”, куда ж я попал, я ж только хотел ризетку, ризетку

ДЯДЬКА. Молчать! *(Стучит ногами по полу.)* Заткнись, идиот! Зануда, разболтался! Молчать! Я вот помру, помру, я завещание написал, похороните в парке, возле памятника Павлику Морозову! У тополя, у яблони, а теперь?! *(Рыдает.)*

МОНТЁР. А вы куда это выстрелили?

ДЯДЬКА. Куда надо. Наложил в штаны, тужурка? Это стартовый пистолет, я притащил из драмкружка дворца пионеров.

МОНТЁР. Дак у вас всё тут не настоящее? Буфутория, имеется в виду?

ДЯДЬКА. Не “буфутория”, деревня, а “бытафория”! Да, бытофория! Для быта всё! Твари! Положили трубку. Говорят: опохмелились уже? Они всем так?

МОНТЁР. А чего плачете? Я-жесть не против. Я даже рад. Я-жесть за вас. Я-жесть тут с радостью сижу. Мне даже нравится тут, а то дома, это, как евон, он орёт и орёт, а она пилит ... Я-жесть за вас воюю, с вами, я-жесть не сопротивляюсь. То есть, буду, это, как евон, сопротивляться сейчас. Орать, раз надо. Природу сохранять. Правильно, надо их дёргать, гадов! Пусть даже не получится, но за ушами у них что-то отложится всё ж таки-жесть! Может, телеграмму им по телефону вдарить? В смысле, можно вдарить в правительство телеграмму, что мы - против и всё такое прочее, это, как евон, а? Мне даже вам завидно, что вы - за природу, гербарии собираете. Другие бы заорали, а я-жесть молчу. За свою шкуру не беспокоюсь. Помогаю вам природу. Мы в школе “вертолётники” собирали с клёнов по ведру, нас заставляли в деревне собирать, чтобы потом сажать. Я три ведра собрал, все деревья облазил, чтоб больше всех было. Собрал, и сейчас, это, как евон, где-нибудь мои деревья растут ...

ДЯДЬКА. *(Плачет.)* При чём тут ваши “вертолётники”, зануда?!

МОНТЁР. Я же и зануда, правильно. Нет, чтоб сказать, это, как евон, молодец, легко с тобой в заложники играть ... И дальше обзывать будете, раз уж начали, я понял. Главное: разреши кому, начинают ... А я разрешаю и начинают. У меня напарник говорит: у тебя квартира будет. И всё потому, что, говорит, это, как евон, дуракам везёт по неизвестным причинам. А правда, нет?

ДЯДЬКА. Отстаньте!

МОНТЁР. Звоните и говорите: если так-то и так-то не сделаете - я его пришыю! Давайте, я буду в трубку говорить, а? Надо правдивее. Потребовать, чтоб войны прекратили, чтоб что-то такое хряснуло бы в воздухе, чтоб земля сдвинулась с места аж от вашего заложничества, ну или такое, не знаю, а? Чтоб обзывать перестали, чтоб, это, как евон, всем квартиры дали. А то что - парк, деревья, театр. А? *(Молчит.)* Нет. Не сделают. Я ведь ничего не стою, не будут делать, скажут - пришей его скорее, чтобы небо не коптил, а квартир людям не дадим. Хотя, ну, а вдруг захотят они меня сберечь? Позвонить?

Дядька сидит, песок из ладони в ладонь пускает струйкой, молчит.

ДЯДЬКА. Отстаньте. Всем уже позвонили. Ноль один, ноль два, ноль три - ноль реагажа.

МОНТЁР. А я во имя квартир для всех - пошёл бы. Пусть меня убьёте, а жене с сыном-орунгом дали бы квартирёшку какую-никакую. Может, она за другого выйдет. Не будет мучаться с тем, как со мной, он получше будет, поди, в другой раз, это, как евон, будет выбирать подольше, чтоб был деловой, не как я и всё такое прочее. Который не зануда, которого бы она не пилила, а любила бы. А то мне она только и говорит, что я ей жизнь поломал. А мы вместе-то - четыре года семь месяцев четырнадцать дней. А за что? Я-жесть не знал, что будет комнатуха, что квартиры нету, денег нету, ребёнок орёт. У всех телефоны ремонтирую, а у самого телефона нету. Сапожник без сапог. Надо мне смеяться, а то заплачу сейчас. *(Плачет.)* Ну вот, здрасьте. И не вытерешся. Руки завязаны.

ДЯДЬКА. Развяжу.

Развязал парня. Сидят, слёзы вытирают, смотрят в пол. Дядька включил телевизор. Новости: “Убили, расстреляли, раздавили, мать сына ножом, отец жену топором, брат брата пистолетом, дочь родителей отравой, повесились, прыгнули с десятого этажа, сторели, отравились, в заложники не брали ...” Дядька выключил телевизор. Молчат.

Ничего про нас нету. Никому мы не надо. Не слышите сирены, по улицам машины с мигалками?

МОНТЁР. Не-ка. *(Молчит.)* Не срослось. Я бы съел чего. У меня два бутерброда с ливеркой, жене дала, говорит: обедай там, не ходи домой. Гуляет от меня, а?

ДЯДЬКА. Я тоже хочу. На кухне есть. Сейчас.

Встал с пола, пошёл на кухню. Крик. Дым, взрыв. Вспыхнуло, блеснуло. Дядька ползёт в комнату, лицо сажей перемазано.

МОНТЁР. А?! Приехали?! Стреляют?! Орать?! Начали? Ключули?!

ДЯДЬКА. *(Стонет.)* Забыл ... Я подключил там электричество к дверям и везде, чтобы током всех било, кто пойдёт вас вызволять, и вот, забыл ... Я живой?

Парень положил Дядьку у окна, машет на него руками.

МОНТЁР. Лежите. Ой, батюшки, да что ж это, как евон ... Надо “Скорую”?!

ДЯДЬКА. Не надо ... Сидите ... Всё в норме ...

МОНТЁР. *(Покопался в чемоданчике, достал завернутую в газету еду.)* Ешьте, вы раненый, я буду ухаживать, не шевелитесь, ничего, пройдёт, вот, бутерброды с ливеркой, они вкусные, ум отъешь, нет?

ДЯДЬКА. Спасибо, я не буду, нет, не надо ...

МОНТЁР. Это вы из-за того, что ливерку делают из животных, да? Да нет, эту не из них, нет, ешьте! А вот яйца, хлеб ещё, чай у меня в бутылке ... А это любимые конфеты мои - морские камешки. Знаете такие? Внутри изюм, а снаружи сахар. Вкусно! *(Смеётся.)*

Дядька приподнялся, укусил кусок хлеба, стонет. Парень ест.

ДЯДЬКА. Слушайте, что у вас за жена такая, а? Бутерброды, как кошке делает.

МОНТЁР. *(Ест.)* Да вот, такая. Нормальная. А может и нет. Как все. Нет? Ну, вот, нормально. Сидим, едим, обедаем. Хорошо. Ну, как вы? Отошли? Нормальный ход поршня, нет? Ну вот. Против кого дружить будем?

ДЯДЬКА. Против кого? *(Ест.)* Сейчас наберём её, жену, скажем, пусть падает в обморок, звонит в милицию и так далее, чтобы приезжали! Бабе, вернее - женскому голосу по телефону - поверят больше, когда она расквасится, разжалобит их сразу, знаю! А куда?

МОНТЁР. А на вахту общаги. Скажете ей, пусть испугается ... *(Набирает номер телефона, жуёт хлеб.)* Пусть испугается, пожалеет меня, пусть ... Алё, срочно это, пожар, наводнение, гром и молния, Любу Сергееву, из четыреста четырнадцатой, срочно, с мужем плохо! Да, да! *(Молчит.)* Сейчас, побежали. Я так в армии и не пострелял. Так хотел в армию, а не пострелял. Думал: мужиком сделаюсь, постреляю, повоюю, хотел в десант. Не взяли, взяли в войска связи. И в дождь, и в грязь трясётся связь. Канаву рыли два года - от забора до обеда, канаву для сетей.

ДЯДЬКА. Она не пришла ещё?

МОНТЁР. Я люблю армию вспоминать. В армии: поднимут, накормят, спать положут! На гражданке - фуфло. Надо было остаться прапором. Пришла!

ДЯДЬКА. *(Берёт трубку.)* Алло, это Люба? Люба, это говорит, не важно кто. Вот что, Любушка. Как вы себя ведёте вообще. Почему вы с вашим мужем так обходитесь, а? Вот, до чего вы его довели! Он взят в заложники, и всё из-за вашей черствости, из-за вашего сына горлопана, крикуна. А вы курите к тому же! А он органически ... Не волнуйтесь, с

ним будет всё хорошо, и они этот парк рубить не будут тоже! Парк Павлика Морозова! Мы не в парке, нет! Нет, но вам есть повод немножко поволноваться! Зачем пить в парке, если выпить надо, мы можем выпить в приличном месте! Неправда, Любочка! Вы не слышите меня? Вы почему ... У вас замечательный муж, мы с ним бутерброды вот едим сидим, потому что у нас маленький перерыв сейчас вот, а вообще-то он взят заложником, во имя спасения культурного наследства, так сказать и всего такого прочего, и у нас в связи с этим большая просьба ... Денег? Про квартиру я не знаю ... Стоп! Тише! Вы не могли бы позвонить в милицию и так далее, и женским голосом сказать, что, мол, муж взят в заложники, и мы зовём к нам сюда на Ленина двенадцать квартира восемнадцать телевидение и всех, и так далее! Мы не можем пригласить вас лично, Люба, потому что в коридоре бьёт и я забыл, как отключается, поэтому встаньте, пожалуйста, с сыном возле дома и пусть он тянет ручки и кричит: “Папа, папа, папа!” ...

МОНТЁР. Я-жесть сказал: он разговаривать не умеет!

ДЯДЬКА. Да, прямо сейчас! Пусть стоит, нет, вы с ним стойте и плачьте! Нет, не с ума! И у вас муж не зануда вовсе, а несчастный! А? Люба, не курите! Он органически не переваривает курящих женщин! Или он разведётся с вами, Люба! *(Молчит, положил трубку, трясёт пальцем в ухе.)* Аж в ухе трещит. Уголёк в трубке слежался, и мне показалось, что она ... Люба. Слезь с дуба.

МОНТЁР. Материлаась?

ДЯДЬКА. Нет, уголёк это. Может, не ваша жена была? Мне казалось, что она у вас в вас - худенькая, а она - басом.

МОНТЁР. Уголёк - не слёживается. Она. Умеет. Научили товарки общежитские. Не говорила, что жалеет меня, что я в заложниках, нет?

ДЯДЬКА. Нет. Не говорила. Наоборот. Простите.

МОНТЁР. *(Вздыхнул.)* А была любовь. Дружили. Под ручку. А теперь ... И что, так до пенсии, как кошка с собакой? Ну, скажите? Вы же умный, я дурак? Вы же заложников берёте, образованный, ну? А где любовь-то?

ДЯДЬКА. Нету. Привычка свыше нам дана, замена счастию она. Не едут. Зачем жить. Зачем. Незачем. Я был маленький, боялся, что умру, плакал на похоронах, когда умерла бабушка, умер дедушка. Я спросил тогда маму: “Я тоже умру?” А она сказала мне: “Погоди, сынок, когда ты вырастешь, люди, человечество придумают что-то обязательно, чтобы человек мог жить вечно! А это значит - ты будешь жить вечно! Не бойся, говорила она мне, всё будет именно так!” И вот посмотрите. Все продолжают умирать как мухи. В очередь или без очереди - все! *(Молчит.)* Вы, молодое поколение, вы зачем живёте, объясните мне, зачем?!

МОНТЁР. Надо смеяться, надо смеяться ... *(Молчит.)* А я у тебя что спросил? Или ты только себя слышишь? Жизнь не идёт, не пляшет, а прискакивает. Мыкаюсь и до смерти мыкаться буду. Надо смеяться ... А она орёт. Я люблю ребёнка моего этого, но я спать не могу в моей семейной общаге. Если не орёт, то за стенкой, начинает орать чей-то, или внизу кто-то пьёт и дерётся и спать нельзя, выйти некуда, спрятаться, он орёт, пожрёт, помолчит и орёт. А как старый станет, что с ним будет? Под каждой крышей свои мыши. Дети цветы жизни. Пусть растут в других огородах, так? Надо смеяться, а то заплачу опять. Если он малахольный такой, то какое счастье? А я виноват, что я глупый? А я людей люблю зато. Очень сильно всех люблю и жалею. Людей жалеют и любят те, у кого денег много и кому не надо за то, чтоб выжить, выплыть - бороться, а мне всех жалко. По квартирам по чужим хожу, знакомлюсь, а со мной никто не хочет. Поболтали, сунули деньги - беги. Пять минут поговорят, и говорят - дурак. А я хотел, чтобы было красиво. Я хотел, чтоб всё было лучше как-то, не так, а красивше. Зубы спереди выщербленные с

детства. А хожу. Сколько было денег - на столько зубы встали, а больше не хватило. Как заяц - без зубов. Не сильно разжился-то. И жена, не поймёшь: у неё, как у змеи ноги, правды не найдёшь. Вроде, поблядушка она, под носом у меня крутит с другими, а я хожу зарабатываю ... Думал, дети будут такие ... А он кричит и кричит и я его уже сейчас не люблю, а что будет, как подрастёт, потом? Потом - по заду долотом. Потом он меня стукнет, как я старый стану. Зачем я тогда тетешкаюсь с ним, на урыльник таскаю его, сажу, на молочную кухню ему зарабатываю, хожу, провода тяну, а? То-то. А она - курит. А я - органически ... А любовь? Надо смеяться, надо смеяться! *(Молчит.)* А ты: молодые, деревья пилите. А у тебя дети есть? Нету. То-то, молчишь.

Дядька встал, отодвинул мешки, открыл окно. Солнце тихо светит, от сквозняка закачались верёвки в комнате.

ДЯДЬКА. Каждый день бегаю на кладбище к жене и дочке. Убежать от этих машин, гробиков с музыкой, которые едут, а в них музыка стучит и стучит, поёт и пляшет всё внутри. Убежать от этих людей, спрятаться, не жил, а хочу туда, в кладбище, в тишину. *(Молчит.)* Были. Были у меня дети. В этой квартире. Тут я женился, потом родили мы с женой дочку, дочку вырастили, и похоронили потом. Просто? Родить, вырастить, похоронить. Тут вот стоял её гроб. И жены гроб тут же стоял. Дочка садила эти деревья. *(Молчит.)* Нет, не садила. Вру. Она умерла маленькая. А может, и садила, а может - я придумал, чтоб красивее, потому что не помню уже ничего, Ваня, родства не помнящий. Придумал. Но ведь надо за что-то за красивое держаться, чтобы тебя что-то тут держало, что-то тебя берегло бы, оберегало, оберёг какой-то должен быть, что-то тут чтобы было бы твоим, добрым, родным, не может же быть, что все мы родились для грязи, для мерзости, для убожества, и сами убогие, не может же этого быть, ты понимаешь, нет?! *(Молчит.)* Была дочка, не было, придумал, не придумал - кто знает?! Но раз мне так с дочкой в душе, и с этим деревом, и с Морозовым Павлом под окном спокойнее жить, почему не могу я так жить, почему кто-то приходит, кто обязательно возьмёт и сломает, скажет: “Врёшь, не было так, не будет, а будет по-моему!” Дайте же мне только умереть спокойно, я не жил ещё, а уже прошу дать мне спокойно умереть, а потом строй тут, но не строй на мне, я ведь живой! *(Молчит.)* О, жизнь, о, жизнь! Сто раз воскликнуть патетично - о, жизнь! - и ничего не сдвинется! Мама думала: я-то буду жить вечно, потому что человечество изобретёт ... Зачем дана мне была жизнь, зачем?! Зачем мы живём? Зачем всё цветёт, радуется, зачем солнце, зачем всё вокруг, почему, отчего, зачем?! Жизнь! Жизнь - цирковой клоун: он прыгает, скачет, кувыркается, веселится сам и других забавляет, а с чего, почему - без повода! Всё радуется по-щенячьему, клоун, радуется чему-то! Солнце припекает, деревья собираются к весне зеленеть, тает снег, бегут ручейки, дети по лужам - ура, ура, ура, как хорошо! Весна, ура, жизнь! А зачем?! А зачем? Глупый клоун в цирке, ура, ура, все цветёт и кричит ... Три месяца и всё станет жёлтым, умрёт, умрёт, и тогда зачем был цвет, зачем парк, деревья, жизнь - зачем была, зачем?! Листочки - на землю, землёй станут, станут землёй, станут землёй, землёй! И тогда зачем сейчас кричать, зачем радоваться, если всё станет смертью? Секундная стрелка - посмотри на неё! - чик-чик по кругу, батарейка толкает её, и ей, секундной стрелке, всё равно, что от её кругов минутная и часовая стрелки вечности двигаются, ей плевать на это, плевать, потому что у неё свой круг и только свой круг и более ничего, ей всё равно, что с вечностью, у неё свой круг - маленький, крохотный кружочек, ей выполнять скучную нудную работу и - всё, всё, пока не сломаются часы и ей не конец ... *(Молчит.)* Ты прав: надо смеяться ...

Дядька молчит. Смотрит на Парня. Парень спит. Дядька встал перед ним на колени, смотрит на его лицо долго и внимательно. Парень проснулся, улыбается. Смотрит на Дядьку.

МОНТЁР. Заснул, а? А долго спал? Минутку, вроде? А такой сон видел. Будто я иду, иду и что-то красивое, ребёнок, Люба ... А потом проснулся вот.

Молчат, смотрят друг на друга.

(Засуетился.) Борода чешется. Жена в общаге обсуждает. И в ушах чешется. Это знать-то, завтра ветер будет. Два куска хлеба закусал. Кто-то, знать-то, голодный. Хлебогрыз голодный, надо на молочную кухню, а я сижу. Пойду?

Смотрят друг другу в глаза.

А чего там-то? Ну, за окном-то? *(Молчат, смотрят в глаза друг другу.)* Ну, пошёл я тогда, да? Отключить ток в коридоре? Или вы дальше? *(Парень поднялся, пошёл в коридор, ковыряется там, вспыхнуло что-то.)* Ну вот. Знал. Пробки. Ничего не умею. Беспольный. Зайду завтра, сделаю, а то сегодня поздно, вечер ... В темноте посидите, нет? Жена заругается. Да? Пошёл я? *(Дядька молчит.)* Ну, спасибо за обед, наелся дармоед. *(Пошёл в двери, вернулся, встал на колени перед Дядькой.)* Простите, а? Простите. Прощёное воскресенье. Простить надо всё. Простим?

ДЯДЬКА. Простим.

МОНТЁР. Никудашный заложник. Зануда. На мыло сдать. В катаверную.

ДЯДЬКА. Прости.

МОНТЁР. Дяденька, не надо так тихо, дяденька. А то страшно. Не надо. Всё.

ДЯДЬКА. Прости.

МОНТЁР. Пошёл я.

ДЯДЬКА. Прости.

МОНТЁР. Пошёл я. Приду. Попрощаемся по русскому обычаю, по ручке причём. Ничего. Откат нормальный, так? Прощай. Пошлёмбал я.

Парень ушёл. Хлопнула дверь. Дядька лёг на постель, отвернулся к стенке, бормочет.

ДЯДЬКА. Надо смеяться ... Прости ... Простите ... Прости ... Простите ...

Прижимается к стенке, коленки в стенку упёрлись, плачет, плечи вздрагивают. Песок из мешка сыпется тоненькой струйкой на крашеный пол.

ТЕМНОТА

ЗАНАВЕС

КОНЕЦ

август 1997 года

Екатеринбург